

Сотая часть года

Какой ее видят петербуржцы

Сергей Полотовский |

ПЕТЕРБУРГ — северный город: Хельсинки ближе Москвы, до Архангельска быстрее, чем до Курска. На нашей широте важная часть идентичности — холод. Петербургу к лицу свинец и графит туч, а температура диктует стиль. В общем, вместо кустодиевской корпулентности у нас скорее конькобежцы Брейгеля.

Лето нам не идет. «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу» — так местный писатель описывал условия, от которых впору вслед за его героем взяться за топор.

Летние прелести выглядят здесь нарочито и противоестественно. Шорты и майки-алкоголички на Невском — этакий хотите анахронизм, хотите оксюморон. Панама выдает шпиона.

Житель любого крупного города не просто живет, а лицедействует. Квартира — гримерка, улицы — сцена, фасады — декорации, полиция — строгие билтерши и капельдинеры. Петербуржец привык к репертуарному театру и несколько озадачен летней антрепризой — в июне его жизнь меняется радикально.

На короткое время учащается пульс, усиливается блеск в покрасневших глазах, зрачки расширяются. Белые ночи, бессонница и отсутствие аппетита.

Петербургское, оно же наше северное, лето, вопреки поэтической вольности другого всемирно известного и временами местного автора, не карикатура южных зим, а скорее — ремиссия, просветление душевнобольного, имитация жизни «как у людей».

Непонятно, зачем летом уезжать из Петербурга на курорт, когда город сам на некоторое время становится курортом, манящей точкой на карте и дорогим местом назначения.

Вокруг оживают пригороды. Самсон, разрывающий пасть льву, снова играет позолотой в водяных брызгах, что в Павловском, что в Большом Гатчинском (не говоря про Екатерининский) дворце экскурсоводы едва успевают договорить в очередном зале — в спину дышит следующая группа.

Интеллектуально-алкогольная активность несколько смещается в сторону Залива, самое популярное направление: Солнечное—Репино—Комарово—Зеленогорск. Кандидаты наук весело рубят дрова и собирают хворост.

В центре открываются террасы с вынесенными на улицу аудиоколонками, в отдаленных районах даже жарят шашлыки — сам видел в интернете, говорят, не фейк. В коктейльные карты массированно проникает мята. Сирень переста-

ет фиксироваться взглядом. На газонах располагаются студенты с конспектами, и это не радикальная художественная акция и не съемки киноальманаха про любовь. Мало — то есть недостаточно — знакомые люди неожиданно приглашают друг друга на пляжи. Кто-то вводит в режим заемное понятие «сиеста», кто-то сдвигает сутки на пол-оборота: спит днем и функционирует ночью. Не сразу поймешь, во сколько прилично звонить человеку по несрочному поводу: а вдруг еще (уже) спит?

Одежды окрашиваются в чужеродные цвета. Резко сокращается доля черного, серого, бежевого. Не все слава богу с охрой и терракотой.

Солнце усиливается отражением в водной глади, и вообще все вдруг вспоминают про воду. Раз в год каждому надо обязательно прокатиться по волнам, кто-то увязывается за родственниками из провинции, решившими сгонять в Петродворец на воздушной подушке, кто-то в складчину снимает катер для праздника под любым относительно благовидным предлогом: от защиты диссертации до удачного развода. Прохожие радостно приветствуют катающихся, с катера снисходительно машут в ответ. Прокатиться сегодня, а завтра.

В принципе петербуржцы, как и нью-оркцы, парижане, римляне и прочие счастливицы, не могут по определению любить аттракционы в своем родном парке развлечений. Настоящий петербуржец видит разводящиеся мосты не когда нарядный вышел из гостиницы этой красотой любоваться, а когда опаздывает домой с вечеринки. Но водным прогулкам делается исключение.

Кстати, разводка мостов больше не оправдание для неверных мужей: несколько ключевых перегонов метро продолжают работать и ночью.

В этом году мудрые власти решили запретить любое передвижение по воде в недели футбольных состязаний, выпадающих на самое знойное и активное время в году. Кубок конфедераций по футболу — репетиция чемпионата мира: ответственности меньше, но надо же и ФИФА проверить состояние стадионов. Чемпионат в 2018-м, а кубок в 2017-м. То есть два года подряд футбольные болельщики будут привилегированными гражданами за счет некоторого ущемления в правах остальных людей доброй воли. Впрочем, запрет на водные прогулки еще обсуждается, могут и отыграть назад. Потому что без воды туристический потенциал, безусловно, слабеет, а принципиальный момент в том, что летом идет турист. Как клосось на нерест, как сель, как дождь.